

Некоторые коммунисты, записавшись в число самостоятельных повышающих свой политический уровень, фактически не учатся.

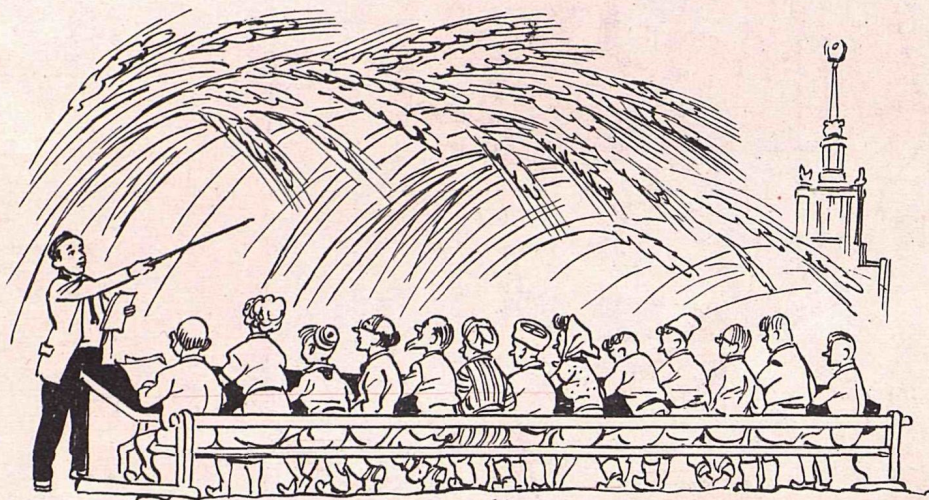

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— У нас в семье все учатся... Только один папа занимается самостоятельно.

К Р О К О Д И Л

№ 25 (1387) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. МОСКВА 10 СЕНТЯБРЯ 1954

ЗА БОЛЬШОЙ ПАРТОЙ...

Писатели и журналисты не договорились ещё, к каким учебным заведениям следует причислить выставку. Одни называют её колхозной школой, другие — университетом, третьи — академией.

Но, так или иначе, здесь учатся все.

Учатся в павильонах, животноводческом городке, на экспонатных участках, в мичуринском саду и даже на пруду, где жирные, вконец обнаглевшие карпы увлакивают под воду сдобные булочки и целые батоны — щедрые дары юных посетителей выставки.

Учатся выращивать высокоурожайную пшеницу, костромской скот, штамбовые розы, владимирских тяжеловозов, разводить амурского сазана в Эстонии, южноамериканских нутрий в Закавказье, переселять оленей на юг, овощи — на север.

Кстати, о севере. Когда помор М. К. Сидоров поставил перед царским правительством вопрос о распространении земледелия на север, один царский сановник ответил буквально следующее:

«Там, на севере, постоянные льды, и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немислимы. По моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с севера во внутренние страны государства, а вы хлопочете наобороте... Такие идеи могут проводить только помешанные».

Любопытно, что сказали бы умный сановник и его не менее умные приятели, если бы они узнали, что сейчас на одной только Колыме свыше 27 тысяч индивидуальных огородов, а 70 представителей совхозов и колхозов Колымы и Чукотки утверждены кандидатами на выставку.

Учебный день на выставке начинается утром. И с утра перед каждым экскурсантом возникает один и тот же вопрос: как лучше использовать время?

Вопрос этот необычайно сложный. Досужие статистики подсчитали: нужно девяносто дней и ночей, чтобы осмотреть все без исключения выставочные экспонаты. Экскурсантам предоставляется всего пять дней. Их время строго расписано. И всё же они умудряются выкроить пару — другую часов для дополнительных осмотров.

— Эх, подружки, я сегодня к птичницам пойду!

— Ты что, кур не видела?

— Да я хочу узнать, как их кормят машинным способом.

— Машинным? Это зачем же?

— Откормочная машина даёт им рацион проверенный, — объясняет женщинам старик-птичник, — не то что самоклёв. Тут тебе и овсяная мука, и жмых, и мел, и витамины. Клюв раскрыла — раз и готово! Сыта по горло! А от этого привес увеличивается...

На выставке все ходят с толстыми ученическими тетрадями. Записывают всюду. Мы видели одного экскурсанта, который вносил в

тетрадь даже данные о фонтане «Дружба народов».

— Сколько, говорите, у него струй? — допытывался он у экскурсовода.

— 796.

— Ничего, подходяще. А на какую, извините, они бьют высоту?

— На 30 метров.

— Что ж, высота приличная. А сколько он выбрасывает воды?

— 1182 литра в секунду.

Гражданин, стоящий рядом с нами, заговорил зашептал:

— Вы знаете, кто это такой? Это, наверно, представитель колхоза имени Будённого, Одесской области.

— Почему именно Будённого?

— Так это же богатейший колхоз! Шесть миллионов дохода! Всё у них есть: Дом культуры, электростанция, водопровод. Они, наверно, решили построить себе фонтан. Очень даже просто.

— Вы не из колхоза имени Будённого? — спросили мы у экскурсанта.

— Нет, я москвич. Водопроводчик. Водой интересуюсь. По специальности.

И мы подумали: на Сельскохозяйственной выставке есть чему поучиться не только колхозникам.

Поправки к твеновскому юмору

Марк Твен в своём знаменитом рассказе «Как я редактировал сельскохозяйственную газету» описал возмущение одного почтенного старца, который прочёл следующие строки: «Брюкву не следует рвать руками... Лучше послать мальчика, чтобы он залез на дерево и потряс его».

«— Потрясите вашу бабушку! Брюква не растёт на дереве!» — воскликнул старик.

Нетрудно догадаться, как бы отозвался старец, скажем, на такую фразу:

«Чтобы собрать вишню, не следует посылать мальчика на дерево. Вишня — растение, стелющееся по земле».

А разве не для юмористического рассказа могли бы пригодиться раньше такие советы:

«Мы рекомендуем читателям выращивать гибриды цифомандры и томата».

Или:

«Самые высокие урожаи даёт гибрид пырея и пшеницы»; «Пшеницу следует косить два раза: один — на корм скоту, другой — после отрастания — на зерно».

Гибрид пшеницы с пыреем, равно как и двуукосная пшеница, — всё это звучит несколько странно. Можно не сомневаться, что темпераментный твеновский старик отреагировал бы на них точно так же, как на брюкву, растущую на дереве. Экскурсанты же по своему воспринимают эти гибриды.

— Сколько, говоришь, сынок, этот пшенично-пырейный гибрид даёт урожая?

— До 70 центнеров с гектара.

— Вот как! Такой урожай меня категорически устраивает.

— Всех, папаша, устраивает.

— А колхозы эту пшеничку уже высевали?

— А как же! Например, колхоз имени Хрущёва, Можайского района, Московской области.

— Ну и как?

— В прошлом году бригадир Артёмов снял больше 43 центнеров с гектара.

— Вот это — дело! Придётся разжиться семенами. Где найти академика Цицина?

Выдуманный кит и невыдуманный карпо-сазан

В литературе известен ещё один анекдотический редактор. Он очень похож на твеновского. Мы имеем в виду вольноопределяющегося из романа Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Вольноопределяющийся редактировал «Мир животных». Желая преподнести читателям что-нибудь неожиданное, он, по собственному признанию, «выдумывал животных».

«— Я сам, — рассказывал вольноопределяющийся, — был поражён своими успехами в этой области. Мне никогда раньше и в голову не приходило, что возникнет необходимость значительно дополнить фауну. Никогда бы не ду-

мал, что у Брема в его «Жизни животных» могло быть столько пропущено».

Советские учёные пополняют флору и фауну невиданными растениями и животными. В Павильоне рыбного и прудового хозяйства можно увидеть зимостойкий гибрид зеркального карпа и сазана, в животноводческом городке — гибрид дикого барана архара и домашней меринской овцы. Но об этих гибридах вы узнаете не так уж много. О существующем карпо-сазане написано меньше, чем о выдуманных вольноопределяющихся «серноватистом ките» или «благуе продувном» из породы кенгуру.

Впрочем, это относится не только к карпо-сазану. Печатная пропаганда на выставке не отличается размахом. Не хватает путеводителей, брошюр, листовок о передовом опыте. Некоторые из выпущенных Сельхозгизом путеводителей написаны путаным языком. Вот как, к примеру, живописуется интереснейший опыт выращивания гусей колхозника Павла Васильевича Ткачука:

«Для вывода гусят сажают 8—12 наседок, но не сразу всех, а на протяжении 2—4 дней. Когда гусыни, посаженные раньше, выведут гусят, к таким наседкам подкладывают насиженные яйца от гусынь, посаженных в следующие дни. Гусыни, которые только насиживают яйца, находятся в изолированном помещении, они не должны слышать писк гусят и видеть их. Всех остальных посаженных наседок отгоняют в стадо для разгуливания и повторной кладки яиц».

Колхозницы тщетно пытаются вникнуть в сокровенный смысл этих фраз:

— Как тут понимать: с одной стороны, пишут, что гусыня выводит гусят, а с другой — будто она не видит их и не слышит?

— А может, порода такая, глухонемая?

— Тоже сказала!

— А это как понимать: «...всех остальных посаженных наседок отгоняют в стадо для разгуливания»? Её же посадили, её же и отгоняют?

— Да-а, заковыристо написано!

Передовым опытом интересуются не только колхозники, прибывшие на выставку, но и периферийные газеты. Увы, газеты не всегда получают квалифицированный материал. Ведь далеко не каждая газета может послать на выставку своего корреспондента. И вот уже в павильонах, на фермах замелькала фигура литератора-скоростника, выполняющего периферийный «заказ».

— Где тут корова Гулька? — кричит он, вбегая в Павильон крупного рогатого скота. — Эта? Прекрасно! Начинаю записывать опыт.

Молодой человек не затрудняет себя расспросами. Он всё знает сам.

— В чём секрет ваших успехов? Секретов нет, — диктует он себе. — Главное — уход, рацион, моцион. У коровы, как говорится, молоко на языке. Обеспечиваем хорошее кормление. Ухаживаем за телятами, как за малыми ребятами...

Спустя час мы встретили стремительного молодого человека на открытой площадке, где стояли яки.

— Где здесь бык Додон? Прекрасно! Начинаю фиксировать опыт. В чём секрет успеха? Секретов нет... Ухаживаем за якчатами, как за малыми ребятами.

Затем порывистый халтурщик появился в птичнике, крольчатнике, на свиноферме и даже на пруду.

— Где здесь карп?..

Тут произошла небольшая заминка: никому не было известно имя карпа-рекордиста. Вернее, такого и не было. Но молодой человек быстро овладел собой и прокричал:

— Оформляю опыт! В чём секрет? Секретов нет. Уход, моцион, рацион. Ухаживаем за карпятами, как за малыми ребятами...

Нам смертельно захотелось окунуть разгоряченного халтурщика в пруд. Но мы подумали, что это не самый действенный способ борьбы с халтурой.

Самый действенный способ — это издать побольше хорошей литературы о передовом опыте. Она очень нужна колхозникам, которые садятся за большую парту на выставке и за её пределами.

С. ШАТРОВ

«АТЕИСТ»

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

— Ты что, касатик, лба не перекрестишь?..

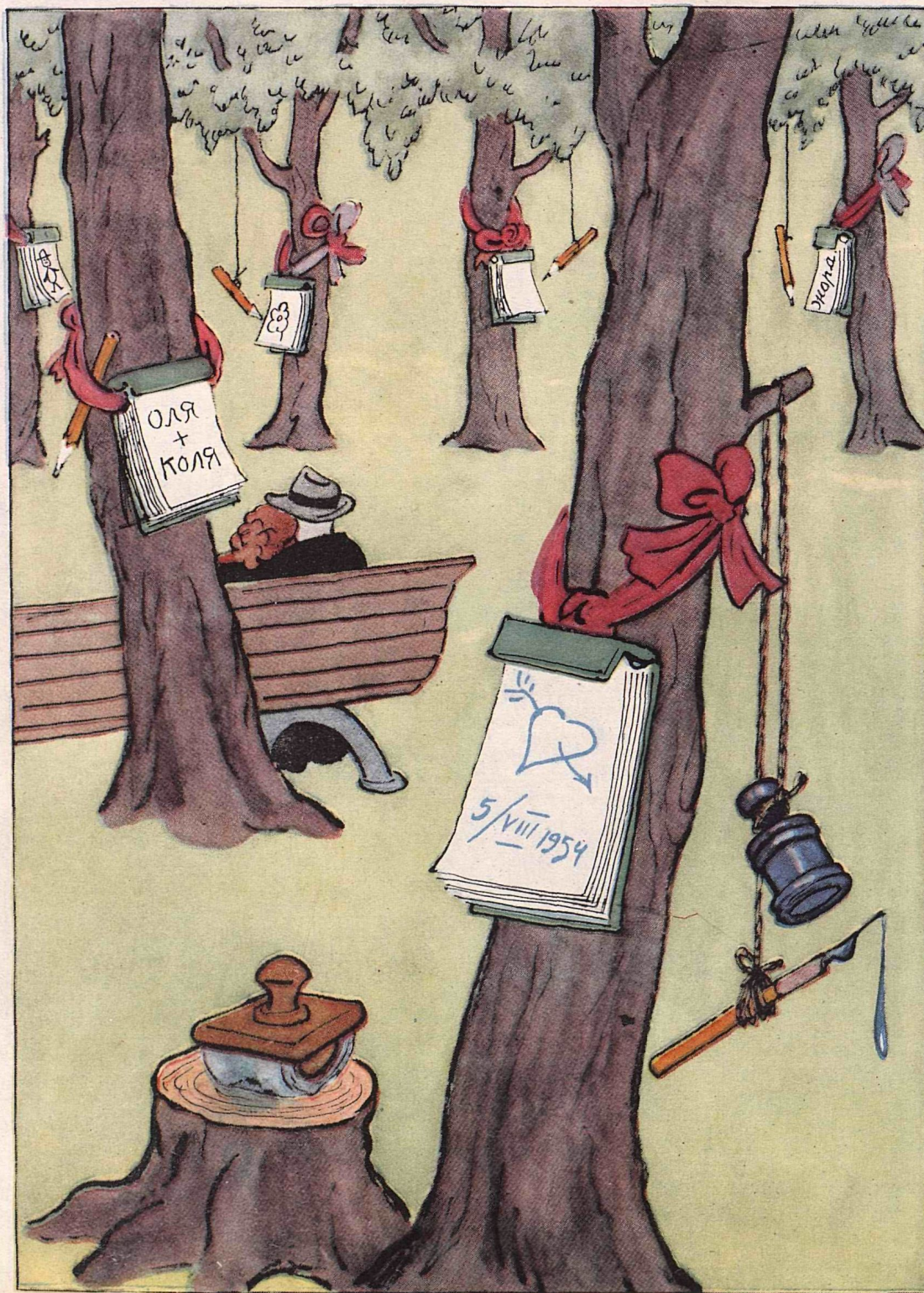
— Неудобно, бабушка! Я же комсомолец...

Пустозвон

Скажет всяк, на дядю глядя,
Что душой болеет дядя
За район за свой.
Ведь не даром в умиленьи
Областное управленье:
— Парень огневой!..

С января до самой жатвы
Горячо даёт он клятвы,
И к нему добры.
Но проходит срок немалый,
А район его отсталый
И до сей поры.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Рационализаторское предложение по охране деревьев.

Похвалялся дядя в марте:
— Трактора мои на старте,
Дам другим урок!
Я людей организую,
Я актив мобилизую,
Всё засею в срок!

Наступило время сева.
Ищем дядю в поле... Эва!
Тут он не бывал!
Круглосуточно в районе
Он висел на телефоне:
У него «провал»!..

Бил он в грудь себя в апреле:
— Мало сена. Просмотрели.
Со скотом беда!..
Но могу ручаться смело:
Я вложу всю душу в дело,
Брошу всё сюда!

Эх, хотя б наполовину
Накормили бы скотину
Дядины слова!
Ведь заботиться об этом
Надлежало прошлым летом,—
Где ж весной трава?..

Хвастал дядя перед маем:
— Ну-с, теперь не захромаем!
Подковал людей!..
Подвернул я гайки прочно,
Всё до зёрнышка досрочно
Вывезем с полей!

Он шумел перед июнем:
— Ну-с! Любого переплюнем!..
Всех, считай, догнал!..
На надёжной мы основе:
Все комбайны наготове.
Только дай сигнал!

Но настала косовица...
Нечем дяде похвалиться!
Позади район.
День за днём стоят комбайны,
И прости не случайны.
Это как закон!..

Сокрушался он в июле:
— Да... С уборкой затанули.
Лично виноват.
Открываюсь без утайки:
Был не строг, ослабил гайки —
Вот и результат!

И опять он вертит-крутит,
И опять он воду мутит —
Не впервой ему:
— Я прибегну к крайней мере!..
Ликвидирую потери!..
Нагоню!.. Нажму!..

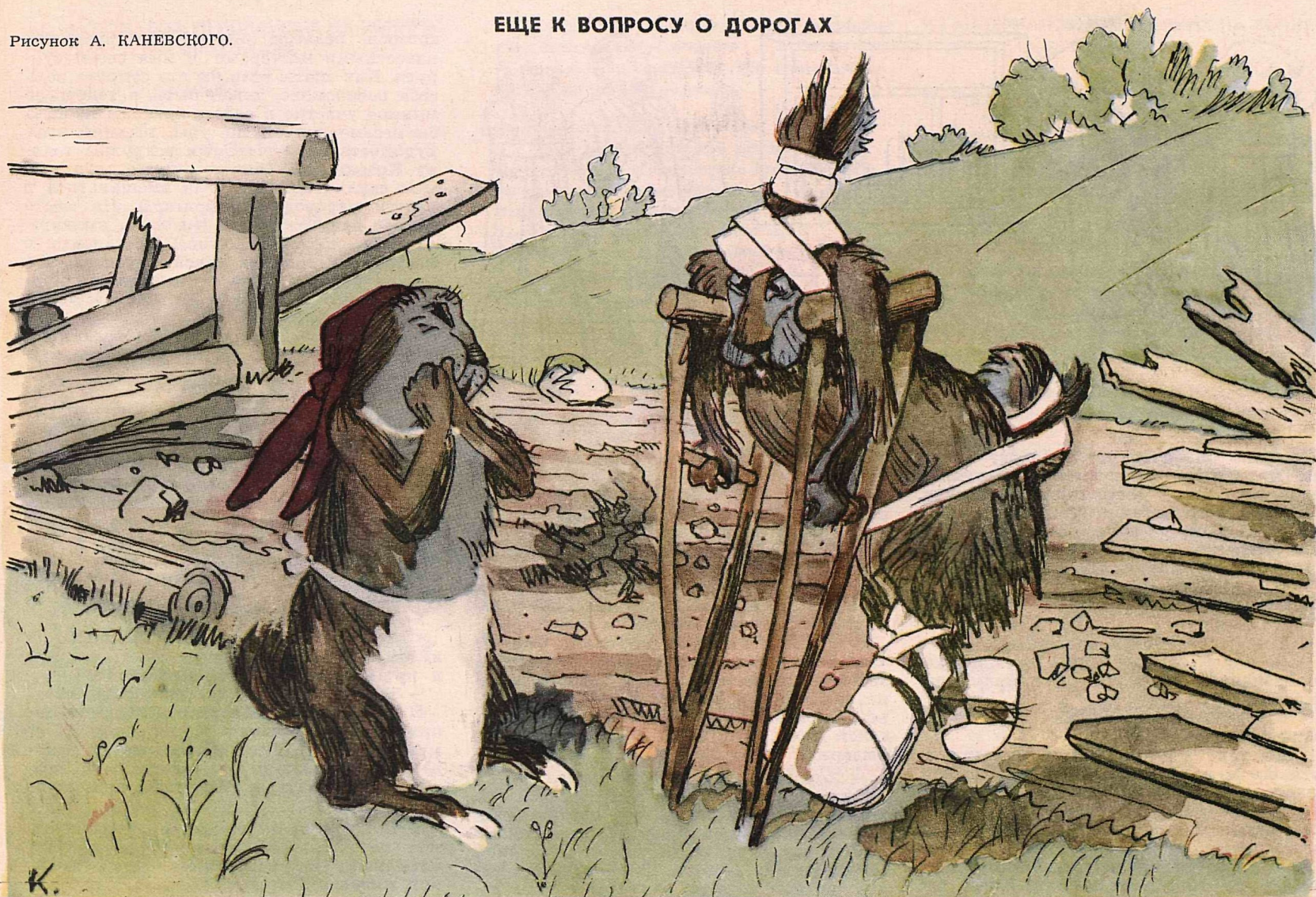
Потирает он ладони,
А тем временем в районе
С молотью швах!..
Но хвастун парит высоко,
На тревогу нет намёка
В дядиных словах:

— На свои взвалю я плечи!..
Расшибусь, но обеспечу!..
Помощь не нужна!..
Сам себя организую,
Сам себя мобилизую,
Сдам зерно сполна!

И опять плетётся сзади...
Долго ль будем верить дяде?
Есть ли тут резон?
На язык сверх меры приткий,
Нам приносит лишь убытки
Этот пустозвон!

Перевёл с украинского
Валентин КОРЧАГИН.

г. Киев.

ЗАЙЧИХА: — Что с тобой?
ЗАЯЦ: — Дорогу перебежал...

ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО

(Трагедия в 1 действии, 5 картинах)

Картина 1-я

(Декабрь 1953 года. Кабинет М. Р. Решетяна, начальника Главного управления ремонтных предприятий Министерства сельского хозяйства БССР. Решетян сидит за столом; перед ним с папкой «Для доклада» стоит его заместитель).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ (возбуждённо). Нам только что спущено ответственного задание, Моисей Рафаилович! Почётное задание!

РЕШЕТАН (недовольным тоном). Ну, какое ещё задание?

ЗАМЕСТИТЕЛЬ. Мы должны выпустить в 1954 году тысячу зернопультов!

РЕШЕТАН. Зерно... чего?

ЗАМЕСТИТЕЛЬ. Зернопультов. Это замечательный агрегат для обветривания и сортировки зерна. Понимаете, Моисей Рафаилович, такая штукавина на тележке, — ну, там барабаны, элеватор и всё прочее. Включается электромотор — вжжик! — и за один час двадцать пять тонн зерна очищено, как стёклышко. Красота!

РЕШЕТАН. Ясно. Принимаем. (Делает широкий, властный жест.) Исполнение этого ответственного заказа будет проходить под моим личным повседневным оперативным руководством. Можете идти.

Картина 2-я

(Февраль 1954 года. Кабинет Решетяна. На столе звонит телефон).

РЕШЕТАН (снимая трубку). Да, я просил Кобринский завод... Давайте. (Пауза.) Кобринский завод? Алло! Здорово, Стырикович! Я тебе спустил ответственное задание — изготовить 500 зернопультов! Получил? Ну, ну! Действуй там, нажимай. Что? Чертежи и детали? Ну, разумеется, обеспечим. Уж это, братец ты мой, — дело главка, наша обязанность, можно сказать. Разве мы тут не знаем, что вы там сами чертежи и всяких электромоторов не изготавливаете? В общем, жми, а я буду помогать оперативным руководством. Действуй!

Картина 3-я

(Апрель 1954 года. Место действия — то же).

РЕШЕТАН (у телефона). Стырикович? Алло! Вы что это там с зернопультами канитель разводите? Что? Основных деталей нет? Как это так нет? Я уже давал руководящие распоряжения насчёт деталей... В общем, пойми в виду: мы должны срочно отгрузить в Казахстан, для целинных земель, 160 зернопультов. Категорически предлагаю: на-

жимай и действуй, действуй и нажимай! (Кладёт трубку и вызывает заместителя.) Сейчас же заготовьте по поводу зернопультов четыре бумаги в адрес Стыриковича: одно развёрнутое указание, два жёстких предупреждения и один выговор без предупреждения, обыкновенный. Пускай чувствует наше оперативное руководство!

Картина 4-я

(Июнь 1954 года. Кабинет директора Кобринского ремонтного завода Стыриковича).

СТЫРИКОВИЧ (у телефона, жалобно). Моисей Рафаилович, да разве я говорю, что мы ни в чём не виноваты? Безусловно, виноваты, и я своим помощникам всё время оперативно указываю: «Жмите на всю железку!» Но и то сказать: как же мы можем выпустить зернопульты, ежели ваше руководящее обещание (смущённо кашляет)... ежели вы нам основных деталей не даёте? То электромоторов и много чего другого не было, а теперь стального троса и цепей Эверта никак у вас не допросимся. Что?..

(После долгой паузы растерянно вешает трубку и с грустью смотрит через окно на заводской двор, где ровными рядами стоят десятки неукомплектованных зернопультов).

Картина 5-я

(Август 1954 года. Кабинет Решетяна).

РЕШЕТАН (у телефона). Алло! Кобринский завод? Это кто? Емельянов? Какой Емельянов? И. о. директора? Слушай, и. о., я в последний раз предупреждаю: если эти злосчастные зернопульты завтра же не будут отправлены в Казахстан, я вас... Что? Опять цепи Эверта? Вы мне эти эверты и выверты бросьте! Категорически предлагаю нажать и выполнить! (Швыряет трубку и вызывает секретаря.) Отвечайте: сколько руководящих указаний, предупреждений и выговоров послали мы за полгода Кобринскому заводу?

СЕКРЕТАРЬ (испуганно). Насчёт выговоров можно уточнить, Моисей Рафаилович. А общее число бумаг и телеграмм — сто с лишним.

РЕШЕТАН. Хорошо. Можете идти. (Устало откидывается на спинку кресла.) Прямо не знаю, что с ними делать, с этими зернопультами. Такое оперативное руководство с моей стороны — и такие малоэффективные результаты!

(Погружается в тяжкое раздумье, в каком состоянии пребывает до сих пор).

М. ЛАЧИМОВ

Евгению Макаровичу Вуколову (назовём художника этим именем) поручили большую работу — сооружение памятника. И первой, кого Евгений Макарович включил в свой творческий коллектив, была С. С. Козеинова.

— А она кто? Скульптор?
— Нет, — сказал Вуколов.
— Архитектор?
— Тоже нет!
— Тогда, очевидно, инженер?
— Да нет. Козеинова — моя жена, и я хочу назначить её своим ближайшим помощником.

— Ближайший помощник скульптора должен уметь лепить.

— Да, конечно, — согласился Вуколов, и, хотя его жена лепить не умела, Евгений Макарович всё же включил её в бригаду.

— Я записал её в список для видимости, — оправдывался потом Вуколов перед товарищами.

Но Козеинова не желала числиться в бригаде только для видимости. Когда памятник был воздвигнут, она потребовала, чтобы её записали и во второй список — на получение премии.

— Зачем зря писать? Тебе премии не дадут, — сказал муж.

— А ты похлопочи, добейся.

И Вуколов ходил из одной инстанции в другую и хлопотал:

— Представьте Козеинову к награде.

— За что? За какие заслуги? — спрашивали Вуколова.

— Она помогала мне добрыми советами.

— Так вы возьмите и преподнесите ей за это коробку конфет или флакон духов.

Коробка конфет, однако, никак не устраивала жену скульптора.

— Ничего, — сказала она, — в следующий раз мы будем умнее.

— Как, неужели я должен и впредь называть твоё имя в числе своих ближайших помощников? — испуганно спросил муж.

— Непременно. Причём моё имя будет теперь писаться рядом с твоим. Не «Вуколов при участии Козеиновой», а через дефис: «Вуколов-Козеинова». Так подписывали свои произведения Римский-Корсаков, Салтыков-Щедрин, Мамин-Сибиряк...

— Мамин был один. Он сам писал, сам и подписывал.

— Ну, нас тоже не двое, — сказала Козеинова и пояснила: — Ты же сам часто говоришь про меня: «Знакомьтесь, моя половина».

— Какая половина? Семейная. Вот ежели бы ты была скульптором!

— Так научи меня.

— Учёба потребует многих лет.

— А ты возьми и придумай для жены какие-нибудь ускоренные курсы.

И Евгений Макарович придумал. Это были даже не ускоренные, а какие-то скорострельные курсы. Сначала С. С. Козеинова вылепила человеческое ухо — большое и неправдоподобное, размером с хорошее блюдо. Затем она создала из глины глаз, который был похож на второе блюдо из того же сумасшедшего сервиза.

Потом появился на свет нос и, наконец, губа.

— Ну вот, с учёбой и всё. Теперь мне следует испытать свои силы на пояском портрете с натуры, — сказала Козеинова.

Муж пробовал урезонить супругу: какой, мол, ещё там поясной портрет, когда вылепленное тобою блюдо-ухо никак не отличить от блюда-носа! А жена ни в какую: «Хочу лепить натуру, и только».

В эти дни сам Вуколов должен был начать работу над скульптурным портретом знатного хлопкороба. Этот портрет предназначался для Всесоюзной художественной выставки. Однако натиск жены был такой силы, что Евгений Макарович не выдержал и сказал:

— Хорошо, давай лепить вместе.

Так в течение месяца в мастерской Вуколова были закончены два портрета. То, что слепилось у Козеиновой, было, конечно, не скульптурой, а самой заурядной любительской работой. В изокружках такие работы лепятся для тренировки десятками и потом без сожаления отправляются в сарай или на чердак. Козеинова высказалась против чердака. Она решила попытаться счастья на художественной выставке.

— Мы пошлём мою работу вместо твоей, — заявила она мужу.

Муж от удивления развёл руками.

— Со мной делай, что хочешь, — сказал он жене, — но пожалей хлопкороба.

Но С. С. Козеиновой было не до жалости. Она уже видела своё имя в выставочном каталоге, причём без дефиса, а в единичном виде: «Автор — С. С. Козеинова».

«А чем чёрт не шутит, — думалось ей, — может, моя работка и проскочит».

Но работка не проскочила. Жюри забраковало бюст хлопкороба за антихудожественное исполнение. Решение жюри, однако, не отрезвило Козеинову, и она послала своего супруга в выставочный комитет:

— Иди, бей челом председателю, доказывай, что твоя жена — самобытное дарование. Ты лауреат, член Академии художеств, тебе они поверят.

И он пошёл и бил челом.

Члены выставочного комитета встретили приход Вуколова улыбкой, а председатель, дабы не обижать почтенного академика, взял и сделал его жене поблажку:

— Ладно, включите её работу в каталог и поставьте куда-нибудь подальше в угол.

Но Козеинова не пожелала подвизаться в искусстве на положении углового жильца. Её тянуло на авансцену. К этому скоро представился подходящий случай. Академику Вуколову поручили возглавить бригаду скульпторов и начать работу по созданию монументального рельефа, посвящённого героическому советскому народу. Это была большая и сложная работа размером в девяносто квадратных метров. Козеинова предъявила мужу ультиматум:

— Включай и меня в бригаду.

— Кем, помощником?

— Нет, теперь уж соавтором!

Вуколов и на этот раз назвал в числе

авторов рельефа наряду с опытными, известными мастерами и имя своей супруги. Как знать, если бы эта супруга вела себя поскромнее, может быть, и теперь её мнимое участие в работе бригады прошло бы незамеченным. Но, увы, дальний угол художественной выставки вскружил голову Козеиновой. Она возомнила себя зрым скульптором и стала вмешиваться в работу руководителя бригады. На место любого предложения мужа жена выдвигала своё, противоположное. Обстановка в мастерской приняла такой характер, что муж в конце концов не выдержал, хлопнул дверью и уехал в Киев.

— Или ты, или я!

— Хорошо, — ответила, не растерявшись, жена. — Уезжай, я сама возглавлю бригаду.

Неудавшийся мастер скульптуры оказался непревзойдённым мастером интриги. Козеинова сумела сбить с толку нескольких членов бригады, и те принялись под её руководством перекраивать композицию рельефа. И перекроили. Руководитель бригады возвращается домой и видит: многолетний труд большого творческого коллектива испорчен. Чаша терпения переполнилась, и взбешённый супруг выставил свою сумасбродную половину из мастерской:

— Довольно, хватит!

«Половина» бросилась за помощью в художественно-экспертный совет, потом — в президиум Академии художеств.

— Вуколов портит мою композицию.

И хотя обе эти авторитетные организации пытались доказать Козеиновой, что её муж не портит, а исправляет ею же искорверканную работу, она продолжала спорить и жаловаться. Козеинова пришла и к нам:

— Вуколов не имеет права игнорировать мои творческие предложения и выставать меня из мастерской. Искусство — моя жизнь.

— С каких пор?

Из ответа выясняется, что когда-то, давно, ей больше нравилось не искусство, а экономика и она поступила даже в Институт народного хозяйства. Но экономистом она не стала. Первый муж Козеиновой был начальником строительства, и жена решила быть похожей на него. Но настоящим строителем она тоже не стала. Почему? По чьей вине?

— Я вышла замуж во второй раз, за Вуколова и увлеклась скульптурой.

Я слушаю Козеинову, и передо мной возникает образ чеховской «Душечки», но в каком искажённом виде! Если та «Душечка», не имея собственных достоинств, умилялась и перенимала привычки своих спутников по жизненному пути: сначала содержателя увеселительного сада «Тиволи» Кукина, потом управляющего лесным складом Пустовалова и, наконец, полкового ветеринарного врача Смирнина, — то эта не желает жить отражённым светом. Она хочет выходить на шумные вызовы публики сама и раскланиваться, стоя рядом с мужем. И не только рядом. Чтобы пролезть вперёд, Козеинова стала действовать уже локтями.

«За последний год, — пишет в своём письме Вуколов, — девять организаций занимались разбором её заявлений. Я перестал уже лепить, я пишу сейчас только объяснительные записки».

Евгений Макарович сидит в редакции и с горечью рассказывает о происшедшем.

— Страшно, — говорит он, — когда мыльный пузырь, невежда начинает мнить себя гением.

Правильно, страшно. А кто виноват в этом? Разве не сам Евгений Макарович? Все последние годы он усиленно продвигал невежду на выставки, включая её в творческие бригады. Член Союза художников поступался совестью художника, он кривил душой, забыв, что этого в искусстве делать нельзя даже ради самого близкого человека, даже ради «Душечки»!

Сем. НАРИНЬЯНИ

Е. ЧЕПОВЕЦКИЙ

Смугай
Душесреме

**Прочла Хохлатка объявление
на улице
О том, что «срочно требуется курица!
И может предоставить Яйцетрест
Отличную жилплощадь под насест».**

Пошла Хохлатка прямо в учреждение
И подаёт начальству заявление,
Но слышит отрицательный ответ:
— Вы опоздали, места в тресте нет.
Начальник извиняется, и хмурится,
И говорит:

— Не утаю греха:
Вчера на эту должность
вместо Курицы
Из главка нам прислали Петуха.
Вопрос могли решать в одной мы
плоскости,
К тому ж характеристики гласят,
Что он специалист по яйценоскости
И сам немало высидел цыплят...

Открыто выражаем сожаление
И с вами расстаёмся, как друзья,
Но начинать с «Главптицей» столкновения,
Вы сами понимаете, нельзя.
Исход предусмотрели мы заранее,
Удобнейший создав ему режим,
Годичный дали срок на испытание,
А там вопрос на месте разрешим.

Случалось мне в одном солидном тресте
Встречать работников, сидящих не
на месте.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЛАННЫХ НА КОНКУРС КРОКОДИЛА

В. БЕРЕСТОВ

Светогор

Я чудо наблюдал, придя по делу
В приёмную начальника отдела.
Как только секретарь промолвил «нет»,
В его глазах зажёгся **КРАСНЫЙ** свет.

Я не ушёл и требовал приёма.
— Начальник ваш,— шепнул я,— мой знакомый,
Мы земляки. Мы в дружбе с детских лет.
Тогда в глазах зажёгся ЖЁЛТЫЙ свет.

Когда ж одну чудесную записку
Я дал секретарю, нагнувшись низко,
В его глазах мигнул **ЗЕЛЁНЫЙ** свет,
Дорогу открывая в кабинет.

**А в кабинете, восседая гордо,
Решал начальник вдумчиво кроссворды.
Он в этом деле дал себе простор:
В приёмной был надёжный светофор!**

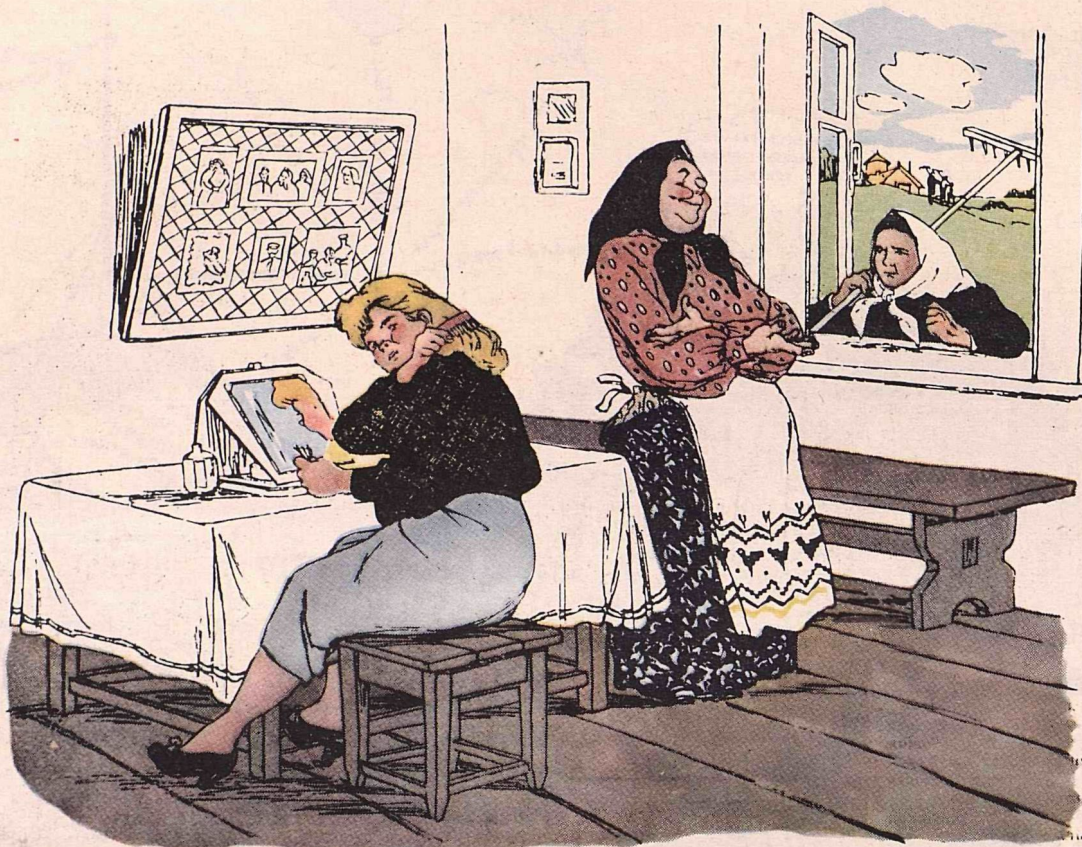
НА РАДОСТЬ ВОРОНАМ

И вот собиравшуюся в этот вечер хорошо отдохнуть «замену» срочно изымают из ванны, библиотеки, из-за семейного стола. А легко освободившийся от работы ло-

9

- Почему ваша девятиклассница не ходит на уборку?
- Так она ж ещё ребёнок.
- А почему вы не ходите на работу?
- А как же я оставлю ребёнка одного?

ДОУЧИЛИ

Ещё в старину говаривали: за учёного двух неучёных дадут, и то не берут.

Этот тезис — плод народной мудрости — считался неопровержимым до сего, 1954 года. Ныне же он начисто отмечён практикой руководителей почтенной организации — треста «Союзнефтегазразведка». Когда к ним явился В. К. Бадалов и заявил, что имеет желание потрудиться на ниве «нефтеразведки», они радушно воскликнули:

— Приветствуем ваше желание! Вы геолог, знакомы со строением земной коры?

— М-м... честно признаться, нет. С землёй соприкасался только в том смысле, что топчу её, а глубин не знаю.

— Ничего! Вы, конечно, как пять пальцев знаете оборудование для бурения скважин?

— Тоже нет! Знаком единственно с зубной бормашиной, так сказать, в страдательном смысле: зуб сверлили!

— Ну, и это не беда! Становитесь и работайте начальником нефтеразведки.

Не смутило руководителей треста и заявление Бадалова, в коем он весной этого года чистосердечно признался, что, работая начальником разведки, «является практиком... остро

ощущает отсутствие специальной подготовки... обучение в группе бурильщиков не дало достаточных для его работы знаний».

— Просится на учёбу? Что ж, пусть едет. Послать его в Поваровскую школу для обучения в группе бурмастеров роторного бурения.

И только когда Бадалов заканчивал обучение, в тресте встревожились:

— Что нам с ним теперь делать?

О том, что решили делать с Бадаловым дальше, беспристрастно повествуют два любопытных документа:

«Приказ № 103/к от 14 июня 1954 г.

1. Начальника... нефтеразведки тов. Бадалова В. К. за невозможностью использовать в роли торгового работника, уволить, как не имеющего опыта в бурении.

2. ...отчислить тов. Бадалова из состава курсантов школы, как потерявшего трудовую связь с командировавшим его предприятием...

Управляющий трестом
«Союзнефтегазразведка»

С. Галустов».

«Приказ № 132/к от 30 июля 1954 г.

В связи с распоряжением Главнефтегазразведки... о разрешении тов. Бадалову В. К. закончить обучение в Поваровской школе буровых кадров и во исполнение приказа по тресту № 103/к приказываю:

1. Начальника... нефтеразведки Бадалова В. К., закончившего обучение по группе буровых мастеров... освободить от занимаемой должности в связи с сокращением работ и уволить из системы треста.

Управляющий трестом
«Союзнефтегазразведка»
С. Галустов».

Так заботливо растят кадры в тресте «Союзнефтегазразведка»: принимают необученных, не жалея средств, учат и... выпроваживают.

Научится ли когда-нибудь тов. Галустов беречь государственные деньги? Должен научиться! При этом мы вовсе не настаиваем на том, чтобы поступить с ним по его собственной методе.

В. ЗАЦЕПИН

«НЕ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ...»

В приёмной обычное оживление. Дверь в кабинет зам. зав. челябинским облторготделом тов. Мурзина плотно закрыта. Мелькает фигура секретаря. Лица посетителей вытянуты. Приём начинается.

— Я из Карталы. У нас совсем нет товаров хозяйственного обихода! — восклицает первый посетитель.

— Одну минутку.

Мурзин внушительно нажимает кнопку, после чего в кабинет стремительно влетает секретарь.

— Когда в Карталы были отправлены свежие партии холодильников? Ну, вот видите, товарищ, а вы говорите: нет!

— Я не о холодильниках, в городе нет простой стиральной доски.

— Мы только на днях получили стиральные машины. Так что, товарищ, не волнуйтесь, скоро они придут в Карталы. Слышен мученический вздох посетителя.

— Я говорю: в городе нет самых простых товаров. Попробуйте найти самоварную трубу или веник!

— Хм! Веник?! — ухмыляется Мурзин. — Вся Челябинскую область засыпали пылесосами, а вы: веник! Таких товаров не только у вас, в Карталах, но и во всей области нет. Это объясняется тем, что фонды на эти примитивные товары выделяются в ограниченном количестве, и полностью удовлетворить население не предоставляется возможным.

— Позвольте, но на рынке у спекулянтов всё есть! И вы могли бы, кажется...

Лицо Мурзина тускнеет:

— Вы опять за своё, товарищ! Русским языком повторяю: не предоставляется возможным...

Уничтожающим взглядом Мурзин провожает посетителя: — В век пылесосов и стиральных машин искать веник и корыто?! Неслыханно!

Приём продолжается...

Н. ДУРОВА

ТАРИФНЫЕ РИФЫ

Следуя старой купеческой традиции, американские экспортёры любят поговорить с покупателем. Отгружая реактивные истребители или подгнившую пшеницу, они не прочь посетовать на то, что мало, дескать, ещё делается для развития свободной торговли между странами.

Иной покупатель из вежливости лишь улыбнётся при этом, а другой по простоте душевной изумится: как же так? Ратуете за свободную торговлю, значит, за снижение таможенных тарифов, а сами их повышаете?

Здесь приходится очередь улыбаться американцу. Эта улыбка должна напомнить наивному клиенту старую латинскую пословицу: «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку».

А позволяют себе коммерческие Юпитеры из Соединённых Штатов немало. Наводняя рынки многих стран мира своими залежалыми товарами, они в то же время отгородили рынок США от импорта почти непреодолимым частоколом высокой пошлины.

Автомобили, станки, чилийская медь, цинк, свинец, железная руда, швейцарские часы, нефть, древесина, английские шерстяные ткани, кофе, чай... Товары более семисот тысяч наименований ржавеют, сохнут, мокнут, гниют сейчас в американских портах.

Многие эти товары дешевле, чем их близнецы — продукты уолл-стритовских монополий. По этой причине один их вид бросает в дрожь заокеанских воротил большого бизнеса.

Дело доходит до анекдотов.

Одна французская фирма отправила в Нью-Йорк партию своего товара. Бросать перчатку американской экономике она не собиралась — хотела лишь продать дамские перчатки нового фасона. Не тут-то было! Перчатки попали не на ручки нью-йоркских дам, а в лапы таможенных властей. Полтора года пролежали перчатки на складе; за это время новый фасон превратился в устаревший.

Не менее печальной оказалась и участь английских игрушечных ружей, стреляющих шариками для пинг-понга. Опасаясь, как бы целлулоидные шарики не пробили брешь в тарифной крепости, защитники её решили перевести эту игрушку в категорию «вооружения» и вдвое увеличили импортный тариф. Можно подумать, что артиллерийские орудия, которые американцы экспортируют своим союзникам, входят в категорию «игрушек».

По свидетельству американской печати, для того, чтобы очистить американские порты от многих тысяч тонн грузов, застрявших в сетях высоких пошлин, сейчас нужно больше времени, чем потребовалось Колумбу, чтобы открыть Америку. Американским судам, и так по горло загруженным процессами об «антиамериканской деятельности», потребуется свыше 30 лет, чтобы рассмотреть 60 тысяч спорных вопросов о пошлине. Предусмотрительный коммерсант, отправив товары в США, может смело завещать получение лицензий своим внукам.

Однако всё больше и больше заатлантических дельцов начинает понимать, что тарифные рифы у входа в американские порты — рифы, о которые разбиваются все попытки импортёров получить в США столь необходимые им для нормальной торговли доллары, — неизбежно должны привести к сокращению самого американского экспорта. Эти более дальновидные люди всё чаще напоминают сторонникам долларовых подачек, а не свободной торговли о новом лозунге зависимых от США стран: «Торговля, а не помощь!»

Высокие тарифные рифы, воздвигнутые на американском побережье, должны, по мысли их создателей, разрядить сгущающиеся тучи экономического кризиса. Но эти же рифы порождают жестокий политический кризис в отношениях между бизнесменами американскими и западноевропейскими.

Поль Гофман, председатель совета директоров корпорации «Студебекер», так начинает свою статью «Самоубийство посредством тарифов», опубликованную журналом «Лук»:

«Когда мы сидели в моём номере отеля в Берлине, один немецкий экономист сказал мне:

— Вы, американцы, ставите меня в тупик. Вы восхваляете частное предпринимательство... Однако вы устанавливаете тарифные барьеры против всех импортных товаров... Разве ваше понятие конкуренции ограничивается только пределами Соединённых Штатов?

Я не мог возражать против этой логики».

В прошлом, как известно, Поль Гофман руководил осуществлением кабального «плана Маршалла» и поэтому твёрдо усвоил, что есть всё-таки предел, до которого можно грабить и разорять благодетельствованную американской помощью страну. И мистер Гофман пишет:

«Я предпочёл бы покупать их товары, а не давать им деньги, на которые они будут покупать наши товары. Я предпочёл бы вести торговлю, а не предоставлять им помощь. Нам всем это было бы выгоднее».

Как видим, даже такой столп американского бизнеса, как Поль Гофман, вынужден признать окончательное банкротство уолл-стритовской «большой дубинки» в международной торговле. Не попадёт ли он за обнародование таких подрывных идей в чёрный список нелояльных элементов?

Г. ЮРЬЕВ

ОБРАБАТЫВАЮТ МЕДЖЛИС...

Пытаясь втянуть Иран в средневосточный военный блок, американские дипломаты дают взятки депутатам меджлиса (иранского парламента) деньгами и ценными подарками.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

ручным способом

и машинным.

КАК ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ, или приключения Сэма Прикля

ДЕВУШКА ЕГО МЕЧТЫ

В один прекрасный, а, впрочем, может быть, скорее, роковой день Сэм Прикль понял, что влюблён до безумия. В этот же день Сэм предложил руку и сердце очаровательной Джэн — девушке своей мечты. Джэн приняла позу кинозвезды Марлен Дитрих, исполняющей роль светской обольстительницы, и сказала воркующим голосом другой кинозвезды — Марлен Монро:

— Нет!

Сэм упал на колени и стал умолять, чтобы возлюбленная объяснила, почему она отвергает его.

— Странный вопрос! — процедила Джэн сквозь жемчужные зубы (точь-в-точь такие, как у третьей кинозвезды, чьё имя Сэм в эту минуту забыл от волнения). — Как я могу выйти замуж за человека, у которого нет даже своего автомобиля?!

Сэм хотел застрелиться, но счастливый случай спас его. Проходя мимо газетного киоска, Прикль увидел человека, просматривающего свежий номер журнала «Кольерс». На одной из пёстрых страниц этого журнала выделялся крупный, кричащий заголовок:

«КАЖДЫЙ МОЖЕТ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ ДЕНЕГ, ЕСЛИ...»

Лихорадочным движением руки, словно он хватался за спасательный круг, Сэм сунул деньги владельцу киоска и уже вскоре, не отрываясь, читал пространную статью доктора Уильяма Кауфмана, президента Академии психо-соматической медицины и председателя Комитета общественного образования.

Доктор Уильям Кауфман писал о деньгах более нежно, страстно и красноречиво, чем Сэм говорил о любви девушке своей мечты. Президент Академии психо-соматической медицины патетически воспевал человека, жаждущего наживы. Он уверял, что такой стяжатель «хочет получить большие суммы денег так же, как хороший художник хочет нарисовать картину, которая получила бы премию». Автор статьи поучал, что «склонность делать деньги надо воспитывать с детства». Дети, не желающие делать деньги, утверждал он, — неполноценные дети. «У них проявляется тенденция несерьёзно относиться к работе... Если даже у них, когда они становятся взрослыми, и зарождаются хорошие идеи о том, как бы сделать деньги, они не умеют найти путь к тому, как стать капиталистами».

Сэм поблбднел. Это был страшный приговор. И так, всё потеряно. Он чуть не проклял своих престарелых родителей, не сумевших привить ему с грудного возраста склонность делать деньги. Но Сэм стал читать дальше, и скоро лицо его просияло. Основываясь на своих наблюдениях более чем над тысячей пациентов, почтенный доктор Уильям Кауфман великодушно давал читателям «Кольерса» практические советы и открывал перед ними блестящие перспективы преуспевания и богатства. Он приводил потрясающие примеры. Оказывается, самые бедные американцы становились капиталистами только потому, что приобретали похвальное умение делать деньги.

— Я спасён! — восторженно воскликнул юноша, прочитав один пример, поразительно подходивший ему в его положении.

ПО СЛЕДАМ СЧАСТЛИВЦА ДЖЕРОМА

Начало истории некоего Джерома Говарда, рассказанной учёнейшим доктором Кауфманом, как нельзя больше напоминало Приклю собственную его судьбу. Говард так же, как и Прикль, был влюблён. И так же, как Сэму, девушка отказала Джерому, считая, что он недостаточно богат.

Ну, и что сделал Джером? Может быть, он пустил себе пулю в лоб? Ещё чего! Не такой он был парень, этот пациент доктора Кауфмана. Джером Говард, получив сердечную рану, не дрогнул и с места в карьер начал энергично делать деньги. Он поступил в универсальный магазин продавцом и быстро научил-

ся получать 50 процентов дохода от продажи товаров. У читателей статьи не оставалось сомнения в том, что Говард просто жульничал, но президент Академии Кауфман давал понять, что его герой обжуливал не хозяина, а покупателей. Это в США не принято называть воровством, а полагается почтительно именовать умением делать деньги. На счастье Говарда, скоро разорился хозяин одного универмага в западной Пенсильвании, и, пользуясь безвыходным положением торговца, ловкач Говард купил магазин за бесценок. Разумеется, девушка его мечты была у ног Джерома.

Сэм Прикль мечтал стать врачом, а не бакалейщиком, но тут он решил, что раз нужно делать деньги, нечего привередничать. Ему счастливо удалось устроиться приказчиком в бакалейную лавку. Однако — вот странно! — дальше события развёртывались не совсем в той последовательности, как это было в истории, рассказанной великодушным доктором Кауфманом. Началось с разорения хозяина лавки. Не успел Сэм обжудить хотя бы одного покупателя и скопить хотя бы одну сотню долларов, как хозяин-бакалейщик заявил о своём банкротстве.

— Что делать? — назидательно сказал он. — Надвигается депрессия, а она бьёт прежде всего нашего брата, мелких владельцев.

ЕЩЁ ОДИН БИЗНЕС

Сэм долго шатался без работы, пока наконец не нашёл места клерка в маленьком офисе. Желая во что бы то ни стало скопить себе оборотный капитал для надёжного бизнеса, Прикль питался одним чёрным хлебом и обрезками колбасы, приобретаемыми со скидкой в соседней лавчонке. Скоро бедняга нажил жестокий катарр желудка и уже совсем было поддавался отчаянию. В эту трудную минуту жизни он достал лежащий под засаленной подушкой заветный номер «Кольерса» и начал перечитывать неопцененные советы доктора Кауфмана. И тут снова пришли на помощь чудодейственные рецепты президента Академии. Изучивший более тысячи пациентов Уильям Кауфман писал, что люди, у которых не столько денег, сколько они хотят, нередко заболевают. Они страдают желудочными болезнями, головными болями, беспокойством, истерическими параличами, неровным дыханием. Только одно может спасти их: пусть они научатся делать деньги.

Особенно потрясла простодушного Сэма рассказанная в «Кольерсе» история мисс Эвелин Борден. Эта мисс тоже была клерком. И она страдала желудочными коликами исключительно от обиды, ибо хозяин платил ей всего 50 долларов в неделю. Жестокосердного хозяина мало волновали горькие мольбы бедной мисс, и он набавил ей только 5 долларов. Колики продолжались. Тогда Эвелин скопила доллары и организовала своё частное машинописное бюро. Она стала зарабатывать в семь раз больше, чем раньше. И — о радость! — теперь желудок счастливой мисс действует нормально...

Худой, как тень, Сэм Прикль ценой долгого поста наскрёб наконец достаточное средств для того, чтобы открыть собственное машинописное бюро. Увы, в первые же дни существования этого учреждения начинающего бизнесмена постигло несчастье. Маккартисты заподозрили, что среди рукописей, которые перепечатывало предприятие Прикля, были подрывные коммунистические прокламации. У Прикля сделали обыск. Его посадили в тюрьму. Вышел он только под залог, уплаченный из средств, вырученных от продажи предприятия по бросовой цене.

ЦВЕТЫ, ОКНО И РОСКОШЬ...

«Нет, я никогда не буду больше делать деньги», — думал по ночам Прикль, мучаясь от бессонницы.

Он решил было изорвать в клочья номер «Кольерса», нарушивший его душевный покой... Однако ему захотелось напоследок перечитать ещё раз наставления президента Академии, мудрого учителя «мани мэйкеров» (делателей денег). И вот он встретил слова, которые прямо отвечали на мучившие его проклятые вопросы. «Искусство делать деньги», — писал Кауфман, — требует тренировки. Так же, как ловкий пианист без долгих часов практики становится менее искусным, так и делатель денег...

«Чёрт возьми, а ведь и в самом деле мне, очевидно, не везёт от недостатка тренировок!» — сказал себе просиявший Сэм. Однако он уже «протренировал» всё, что у него было, и никак не мог рассчитывать на самый скромный «основной капитал». Но и тут его выручила одна из трогательных поучительных историй, рассказанных в «Кольерсе» всеведущим доктором Кауфманом. «Некто Джозеф Винсент страдал бессонницей («Точь-в-точь, как и я!» — умилился Сэм). Винсент организовал небольшой бизнес — торговлю цветами, стал получать доходы и хорошо спать».

Для того, чтобы купить цветы, Сэму Приклю пришлось продать всю свою одежду и приобрести взамен отрепья.

— Неважно, — сказал, улыбаясь, Сэм. — Скоро я стану богат. Доктор Кауфман знает толк в этом деле!

Прикль пошёл торговать своими цветами в аристократические кварталы, резонно считая, что у миллионеров несколько больше карманных денег на покупку цветов, чем у бедняков. Однако в первый же день Сэма задержал полисмен. Он сказал:

— Если будешь здесь шляться, проклятый бродяга, придётся тебе нюхать свои дурацкие цветы в тюрьме. Понял?

Сэм понял и перенёс свою торговую деятельность в кварталы бедняков. Там никто ему не угрожал тюрьмой, но все, кому он предлагал свой товар, только смеялись:

— Никак ты рехнулся, парень? На что нам твои цветы, когда нам не хватает на хлеб!

Ещё через неделю Сэм встал в хвост длинной очереди безработных, ожидающих порцию мутной похлёбки. Это был его последний бизнес.

Однажды, бродя без всякой цели по улицам Нью-Йорка, Прикль нашёл обрывок старой газеты и брошенную кем-то книгу Фредерика Л. Аллена из серии «Посмотрите на Америку».

На обрывке газеты Сэм увидел большой портрет девушки своей мечты под заголовком «Очаровательная блондинка — вампир Чикаго». Из того, что прочёл Сэм, он понял: в погоне за роскошной жизнью Джэн связалась с шайкой грабителей. Джэн была арестована на месте преступления. Теперь ей угрожал электрический стул, но она кокетливо улыбалась с портрета ярко накрашенными губами. Джэн, наконец, насладились однодневной американской славой!

В книге Аллена говорилось, что жизнь в Нью-Йорке на 25 процентов деловая, а на 75 процентов составляет сказочное веселье. «Нью-Йорк», — уверяла книга, — главный центр роскоши, окно, через которое можно увидеть всю нацию».

Сэм остановился в задумчивости. Он-то вдоволь насмотрелся в это окно!

Следуя уже укоренившейся привычке, он вынул из кармана полустлевший номер «Кольерса» и перечитал мудрые советы доктора Кауфмана.

С большим чувством излагал доктор историю славы и величия некоего Чарльза Стрита из Миннесоты. Чарльз разочаровался в жизни: его не удовлетворяли гренки, которые он получал к своему утреннему кофе. С отчаяния Стрит изобрёл машину для автоматического изготовления гренков, нажил большие деньги и стал с удовольствием пить свой утренний кофе.

И ещё несколько столь же трогательных историй передавал неистощимый президент Академии.

Однако на этот раз Сэм уж не стал их перечитывать. Он со злобой швырнул в помойку и заветный номер «Кольерса», и обрывок газеты, и книгу Аллена.

И на душе его стало как-то легче.

Юр. ЧАПЛЫГИН

ЧЕГО ОН ХОЧЕТ?

В одном из предшествующих номеров Крокодил писал о смехотворных заявлениях и действиях неистового сенатора Ноулэнда, взбешённого фактом существования Китайской Народной Республики. Американский журналист Тэд Тинсли посвящает безумевшему от бессильной ярости сенатору публикуемый ниже фельетон.

Бедный сенатор Ноулэнд! Он так боится, что Объединённые Нации могут принять в свои ряды подлинный Китай, что обещает, если это случится, уйти в отставку и посвятить всё своё время борьбе с историей. Между прочим, я провёл тщательное обследование и не обнаружил ни одного человека, который побледнел бы, узнав, что Ноулэнд может уйти в отставку.

Подавляющее большинство людей считает Объединённые Нации организацией, члены которой могут урегулировать свои разногласия мирным путём в форме международных соглашений. Ноулэнд же считает Объединённые Нации такой организацией, любой член которой, имеющий разногласия с Ноулэндом, должен быть вне её. Ноулэнд выступает только за такие совместные действия, которые не приведут ни к какому разрешению серьёзных проблем.

Англия, Франция, Индонезия и ряд других стран не согласны с Ноулэндом по вопросу о том, что такое правильные отношения с Китаем. Видимо, скоро мы услышим от Ноулэнда требование, чтобы мы вышли из Объединённых Наций, потому что Англия, Франция, Индонезия и несколько других стран являются членами этой организации. Либо мы, либо они должны покинуть ООН. Довольно!

В самих США значительная часть демократической партии не согласна с отношением Ноулэнда к Объединённым Нациям. Отсюда прямо следует, что демократы не должны быть допущены к участию в следующих выборах. Никакого умиротворения!

Поскольку многие республиканцы тоже не одобряют отношения Ноулэнда к Объединённым Нациям, они отныне должны считаться демократами.

Сдаётся, что Ноулэнд имеет секретный план, ещё не известный общественному мнению. Этот план заключается в создании новой организации взамен Объединённых Наций. Она будет называться Объединённые Ноулэнды. Главная цель этой организации будет заключаться в обеспечении всеобщего мира путём ликвидации всякого, кто не согласен с сенатором Ноулэндом.

Итак, всякий, кто продемонстрирует полное отсутствие чувства реальности, может стать членом Объединённых Ноулэндов. Кстати, для таких всегда найдётся тёплое местечко в руководстве республиканской партии.

Тэд ТИНСЛИ

Перевод с английского
из американской газеты «Дейли уоркер».

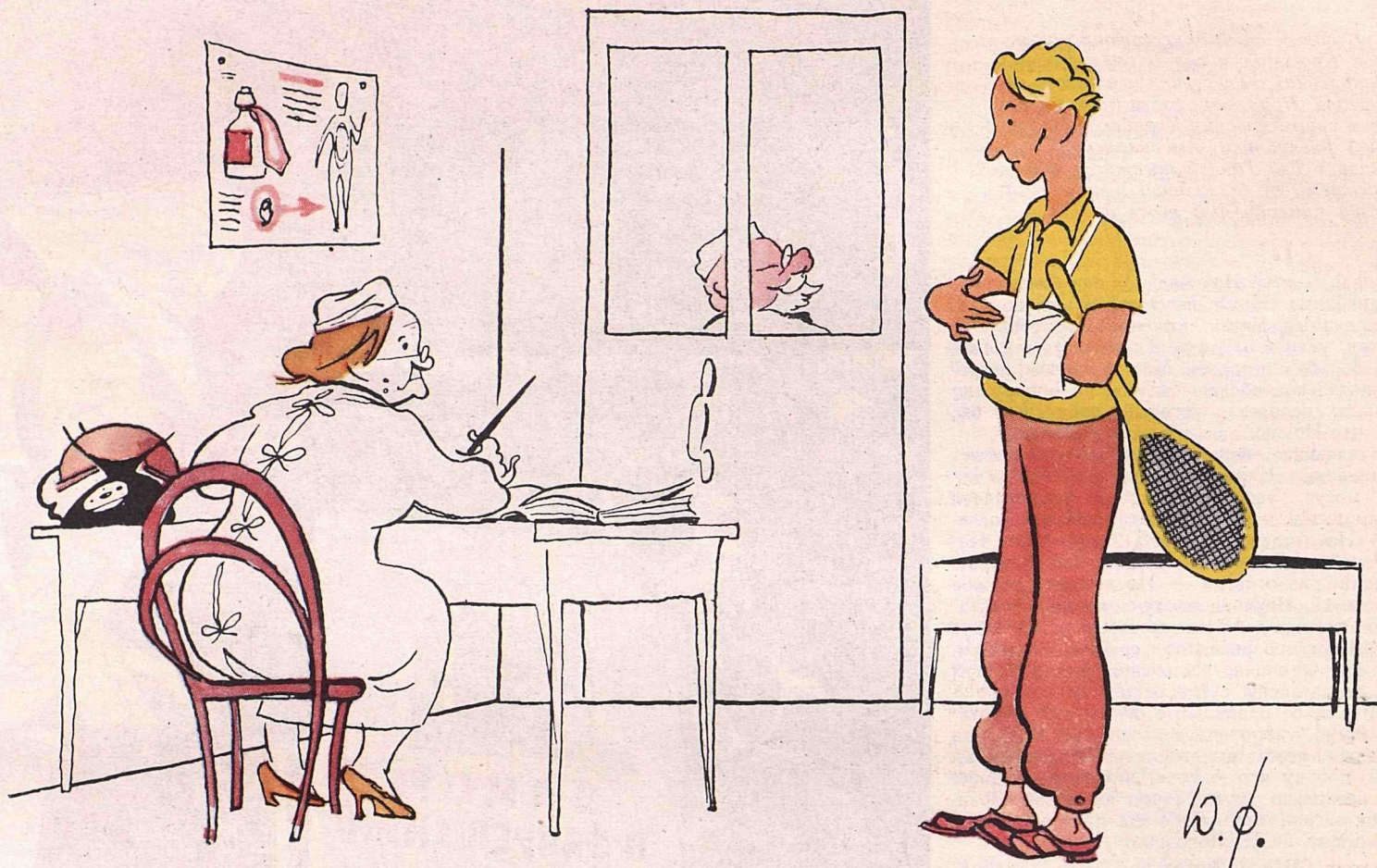
Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» публикует сообщение начальника полицейского управления города Нью-Йорка мистера Адамса о росте преступности в столице американского бизнеса. Адамс объясняет это явление «недостаточной зарплатой» полицейских.

Газета не упоминает о бесчисленных фактах подкупа полицейских гангстерами. Если бы она это сделала, ей пришлось бы придти к прямо противоположному выводу: рост преступности в Нью-Йорке объясняется чересчур большой зарплатой полицейских, получаемой ими от самих преступников.

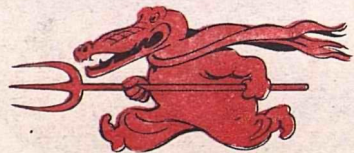
Рисунок Ю. ГАНФА.

ГИТЛЕР: — Учтите, господа, что мне это не помогло...

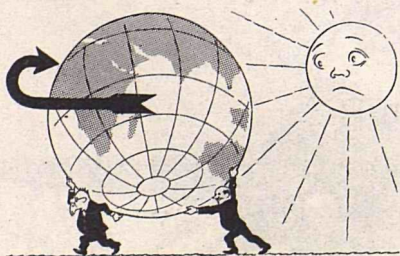
— Вам к врачу? Станьте в очередь!
 — Но никакой очереди нет...
 — Подождите, сейчас соберётся...

ЗЕМЛЯ И НЕБО

С незапамятных времён люди эмпирическим путём установили, что после зимы расцветает весна, затем наступает лето, потом «листья падают с клёна» и опять зима. Объясняется это тем, что Земля вертится вокруг Солнца. Совсем недавно издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний решило это открытие проиллюстрировать в деталях и выпустило многокрасочный плакат «Земля и небо».

На плакате наглядно, как на ладошке, изоб-

ражено суточное и годовое движение Земли и смена времён года. Однако автор плаката И. Ф. Шевляков, редактор Е. Е. Соколов и научный консультант профессор П. И. Попов дружно свернули с проторённых путей науки и выступили со своим, принципиально новым

толкованием сущего. На удивление широким массам, тяготеющим к научным знаниям, они закрутили Землю совсем в другую сторону. Согласно подписям и стрелкам, на их рисунке получается, что суровую зиму на Земле сменяет золотая осень. В этот период, надо полагать, «листья возвращаются к клёну», а дачники устремляются на зеленеющие массивы. Затем благоухает лето, и, наконец, наступает 21 марта — весеннее равноденствие.

Смотрят люди на этот плакат, а мысли их витают отнюдь не в просторах Вселенной. Они думают о том, кому же верить: то ли маститым составителям плаката, то ли точным данным науки астрономии, проверенным веками.

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Газета «Комсомолец» (орган Ростовского обкома и горкома ВЛКСМ), заботясь о расширении кругозора своих молодых читателей, поместила 4 августа заметку «И. Е. Репин». Первый абзац её гласит:

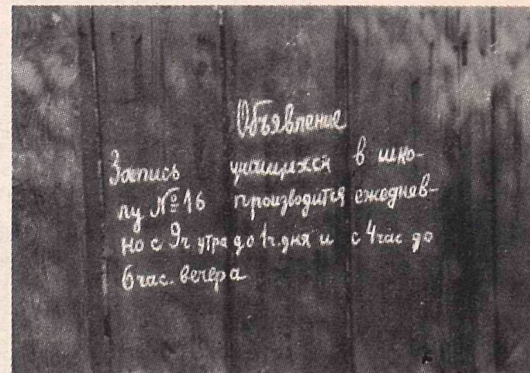
«Кто из нас не восхищался знаменитыми картинами «Иван Грозный и его сын Иван», «Бурлаки на Волге», «Запорожцы», «Переход Суворова через Альпы»? Трудно найти человека, который не знал бы этих картин и не ценил их, не уважал бы их автора — великого русского художника Илью Ефимовича Репина».

Как было ни «трудно найти человека, который не знал бы и не уважал бы автора картин», редакция всё же нашла такового! И не одного, а сразу двоих! Мы имеем в виду сотрудника редакции, сочинившего приведённые выше строки, и редактора И. Усенко. Оказывается, им не известно, что «Переход Суворова через Альпы» создал не И. Е. Репин, а В. И. Суриков!

ФОТОВИТРИНА КРОКОДИЛА

БУМАГИ НЕ ХВАТИЛО

Переводить бумагу попусту, конечно, не следует. Но и экономить её надо, как говорится, с толком. А то вот в городе Рубцовске, Алтайского края, появился недавно такой образец борьбы с бюрократизмом:

Эти строки начертаны не на доске объявлений и не на листе бумаги, а на... заборе. На том самом заборе, что тянется от школы № 16 до горно.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Если ты хочешь по-настоящему посмеяться, советую тебе как можно скорее посетить клуб в д. Бунькове. С тех пор, как там появился новый киномеханик Артём Лесков, любители посмеяться

ся не пропускают ни одного фильма.

Обычно в зрительном зале очень шумно. Молчат только действующие лица, беззвучно шевеля губами... За них подают реплики сами зрители, главным образом по адресу нового киномеханика.

Вот перед зрителями величественная герцогиня из «Пармской обители». Но что это с ней происходит? На глазах у публики она переворачивается кверху ногами и в таком положении, рискуя смять причёску, старается забраться на потолок клуба... На её счастье, в десятый раз обрывается кинолента.

Всё это может показаться неправдоподобным. Но это так же верно, как и то, что сам киномеханик во время демонстрации филь-

мов с трудом удерживается в вертикальном положении. Впрочем, до некоторой степени его поддерживает терпеливый и мягкий нрав руководителей кинофикации области. Спешите посетить буньковский клуб удивительных и весёлых чудес!

В. ПЕТРОВА

Тюменская область,
Упоровский район.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Извещён ли ты о том, что Ростовский киномеханический завод начал выпускать киноаппаратуру в новом стиле — «модерн»?

Наш Санчурский кинотеатр после пятилетних хлопот получил стационарный киноаппарат. В посылке не оказалось двух объективов, пассек наматывателя и бобин.

Разумеется, из Санчурска полетело письмо в Ростов-на-Дону с просьбой дослать недостающие детали. Через некоторое время сам главный инженер Ростовского киномеханического завода Грушевский прислал... нет, не объективы и не бобины, а... бумажку. В бумажке назидательно сообщается: «...объективы, пассеки наматывателя и бобины в комплектацию модернизированного проектора КРМ-800, согласно технических условий не входят».

Спрашивается: при каких же условиях можно демонстрировать фильмы без необходимых деталей к киноаппарату? Этак, чего доброго, примутся выпускать «модернизированные» пиджаки без рукавов или стулья на двух ножках.

Н. ТАРАКАНОВ

Санчурск,
Кировской области.

«УВАЖАЕМЫЙ БЕГЕМОТ!»

Если бы я обратился к тебе с таким приветствием, дорогой Крокодил, ты вправе был бы подумать, что тебе пишет либо уж очень рассеянный человек, либо уж больно высокомерный, которому ничего не стоит перевернуть чужое имя. Именно так подумал я, получив невразумительный ответ тов. Агапова —

декана факультета физического воспитания и спорта Северо-Осетинского пединститута из города Орджоникидзе. Я просил тов. Агапова выслать мне мои документы, которые находятся в институте, а декан мне ответил: «Уважаемый т. Лопатин В. А.! В этом году заочное отделение не открывается», — и пр. и т. п. И вот сижу я до сих пор без документов, вникаю в письмо декана и стараюсь прочесть между строк, рассеян тов. Агапов или уж слишком высокомерен.

Дорогой Крокодил, пошли, пожалуйста, в город Орджоникидзе по этому случаю запрос. Ты, конечно, не перепутаешь фамилию декана, не назовёшь его, например, Вельможевым-Пренебреженским.

А. МИЗИРЕНКО

г. Пярну.

БОЛЬШОЙ СТАЖ

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

СТОРОЖ (начальнику стройки): — Я, Иван Александрович, хочу на пенсию подавать: двадцать пять лет на стройке этого дома проработал!

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 714. Подписано к печати 1/IX 1954 г.

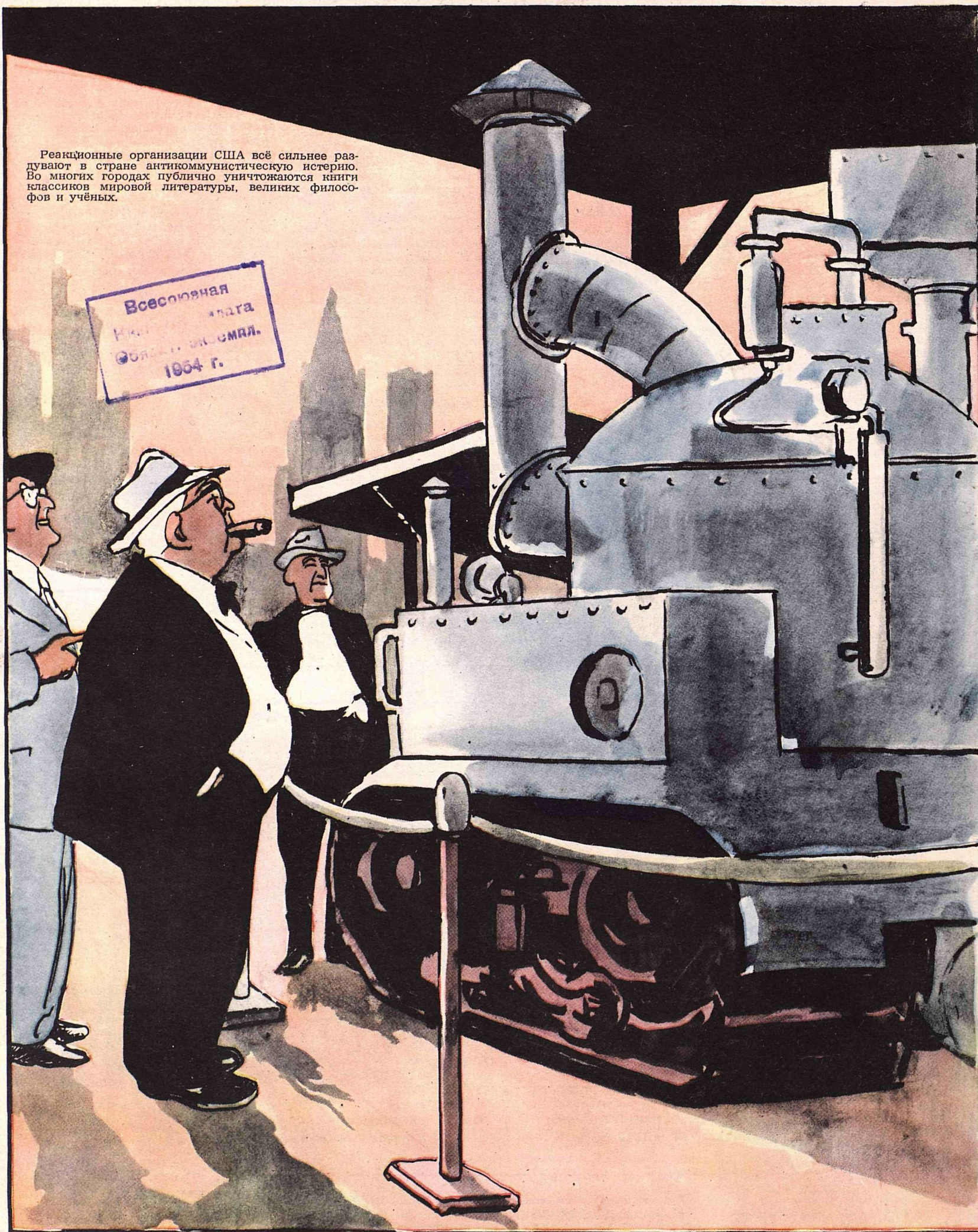
Формат бум. 70 × 108¹/₈.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 01296. Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2673. Тираж 400 000 экз

Реакционные организации США всё сильнее раздувают в стране антикоммунистическую истерию. Во многих городах публично уничтожаются книги классиков мировой литературы, великих философов и учёных.

Всесоюзная
Книжная выставка
События октября
1954 г.

— Это — моё новое изобретение: самоходный книгосжигатель.
Производительность — пятнадцать центнеров литературы в час.